

Алла Соколова

ORCID: 0000-0002-5841-7883

Новые смыслы правовой политики: современные вызовы и перспективы

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

*правовая/ законотворческая политика, социальная природа
правообразования, публичная сфера, мультипликации субъектов
правотворчества, искусственный интеллект*

Введение

Социальная картина мира в XXI веке кардинально изменилась: формирование постиндустриального и информационного общества, вызовы глобального мира поставили новые проблемы перед человечеством. Особую значимость в преодолении вызовов, разработке стратегии развития общества приобретает *правовая политика*, в комплексном своем проявлении оказывающая воздействие на все сферы современного общества. В последние десятилетия теоретические вопросы правовой политики стали предметом исследования ряда ученых¹; особое внимание обращается на необходимость разработки официального программного документа – Концепции правовой политики². Менее исследованным в юридической литературе является, на мой взгляд, вопрос о *публичности* правовой политики, степени вовлеченности граждан, общественных объединений, иных институтов гражданского

¹ См., например, И. А. Кулажников, *Социальная правовая политика Российского государства. Автореф. дис. канд. юрид. наук.*, Ростов-на-Дону 2005; Н. И. Матузов, А. В. Малько (ред.), *Правовая политика: теория и практика: Монография*, Москва 2006; А. В. Малько, *Теория правовой политики: Монография*, Москва 2012.

² См.: А. В. Малько, *Правовая политика современного общества: от теории к практике*, «Вісник Маріупольського державного університету, Серія: Право» 2012, Вип. 3–4, с. 10.

общества в процесс определения ее стратегических направлений и приоритетов. В предлагаемой статье акцент будет сделан на особо значимой сфере правовой политики – *законодательной деятельности*. Большинство реформаторских задумок, национальных проектов, способов модернизации экономических и социальных конструкций сопряжено с попыткой надлежащего эффективного правового регулирования. Однако, десятилетние «искания» верного методологического ориентира в политике законотворческой деятельности в постсоветских государствах так и не привели к весомым результатам. Остаются очевидными проблемы качества современного позитивного права/законодательства, и усилия правоведов с неизменным усердием обращены к предметному полю его производства.

В качестве *гипотезы* выдвигаются тезисы о том, что *новые смыслы* законодательной политики должны, по мнению автора, находить проявление в трех основных направлениях: частичном «разгосударствлении» законопроектной деятельности, ее публичном характере, в реальном участии акторов гражданского общества в процессе принятия законотворческих решений; мультипликации субъектов правотворчества; использовании искусственного интеллекта в законотворческом процессе.

Теоретико-методологическими основаниями исследовательского замысла послужили концепция социальных полей (*Пьер Бурдьё*), теория свободы (*Леони Бруно*), социологическая концепция формирования права (*Алла Соколова*). Под *правовой политикой* в контексте представленной статьи предлагается понимать «научно обоснованную, последовательную и системную деятельность государственных органов и институтов гражданского общества по созданию механизмов правового регулирования, по цивилизованному использованию юридических средств в достижении таких целей, как наиболее полное обеспечение прав и свобод человека и гражданина, формирование правовой государственности и высокого уровня правовой культуры и правовой жизни общества и личности»³. Предметное поле исследования – политика в области законодательной деятельности, в частности, законопроектной стадии законотворческого процесса.

От этатистской к социальной природе права

Определяющим вектором переосмысления содержания правовой политики является смена парадигмы научного и профессионального правопонимания: от восприятия права как нормативного предписания, исходящего

³ Там же, с. 8.

от государства (в своем крайнем эгалитарном проявлении – своеобразной государственной монополии на производство закона) в духе позитивистской теории права, к утверждению *социальной природы* права и *социальных истоков* его формирования.

Социологическая юриспруденция исходит из признания социального контекста зарождения, моделирования, действия правовых норм с надлежащим образом государственно-организованной их фиксацией и обеспечением. Согласно авторской концепции, в процессе формирования права можно условно выделить три этапа: 1) определение объективных потребностей в правовой регламентации общественных отношений; 2) правотворчество (установление правовых норм); 3) социализация правовых норм. Первый этап характеризуется созданием потенциальной возможности появления определенной модели поведения участников общественных отношений. На втором этапе осуществляется превращение возможности в реальные правовые нормы посредством их позитивации государственными структурами. Третий этап (социализация правовых норм) завершает процесс правового созидания реальной «жизнью», действием правовых норм в конкретных правовых отношениях; сопровождается наступлением для участников социального общения правовых последствий, отвечающих их интересам или противоречащих им. В целом результатом этого этапа может оказаться ожидаемый членами общества правовой порядок, и тогда будет позволительно констатировать, что установленные в различных формах (законах, указах, постановлениях и т. д.) правовые нормы есть *право*. В противоположном случае – в ситуации правового «беспорядка», юридической конфликтности, нарушения прав и свобод граждан и многих других обстоятельств – можно констатировать эффект создания произвола/неправа/квазиправа. Таков вкратце ход длительного процесса социальной трансформации и рождения права⁴.

Возникает важный для определения вектора развития законодательной политики вопрос: кто является творцом права, закона? Разумеется, в контексте признания государственной власти источником формирования права нормативное предписание может проистекать из произвольных актов государственной власти, нацеленных на его законодательное закрепление и формулировку.

Если исходить из социолого-правового посыла: источник правовой нормы заложен не столько в воле автора (законодателя), сколько в жизненной потребности, которую правило призвано удовлетворить, можно гипотетически предположить, что институты гражданского общества с большей очевидностью смогли бы выразить и обеспечить те социальные отношения,

⁴ См.: А. А. Соколова, *Социальные аспекты формирования права*, Минск 2003.

которые являются для них повседневными, профессиональными, иными; создавать модели поведения в максимальной степени отвечающие интересам участвующих в них сторон⁵.

Попытаемся теоретически проследить путь формирования правовой нормы и определить круг участников на каждом из его этапов.

Начало правообразовательного процесса связано с *выявления объективных потребностей правового регулирования*. Учитывая огромный массив не всегда обусловленных реальными нуждами и создающих проблемы в правоприменительной практике нормативно-правовых актов, правовая политика должна включать солидные научно-исследовательские мероприятия по определению предметного поля будущего правового акта, выявлению и учету системы социальных факторов (экономических, политических, экологических и т.д.), определению круга заинтересованных в новом акте лиц, направленность их интересов, процедуру согласования при существенных разногласиях, действия по прогнозированию правовых последствий и социальной эффективности. Иными словами, речь идет о разработке *концепции* проекта будущего правового акта, основная роль в которой принадлежит государственным институтам. Но только ли? С точки зрения социальной обусловленности правообразования в этом процессе должны участвовать и реально участвуют, в зависимости от степени зрелости гражданского общества, развитости демократии, правовой культуры, политических традиций, иные социальные институты (политические партии, общественные организации, граждане). *Не приобретает ли законотворческая политика резонный смысл в исследовании степени вовлеченности социальных институтов в процесс формирования права*⁶.

Второй этап процесса создания права связан преимущественно с государственными органами, за которыми официально закреплена функция позитивации права – установления в особой процедуре нормативно-правовых актов, придания им юридического общеобязательного характера. *Возможно ли привлечение институтов гражданского общества к участию в этой деятельности: разработке проекта правового решения, его всемерного обсуждения?*

Третий этап логически завершает процесс формирования права и состоит в адаптации новых моделей поведения общественным и профессиональным

⁵ А. А. Соколова, *Личность, общество, государство: проблемы правового общения*, [в:] В. Г. Графский (отв. ред.), *Современное государство и личность в историческом и философско-правовом осмыслении: сборник материалов двенадцатых философско-правовых чтений памяти академика В. С. Нерсесянца*, Москва 2018, с. 22.

⁶ А. А. Соколова, *Правовая политика в публичном измерении: направления развития*, [в:] В. В. Смирнов (отв. ред.), *Сборник материалов Всероссийской конференции «Правовая политика в условиях модернизации» 19 ноября 2010 г.*, Москва 2011, с. 167–176.

правосознанием, включением в мир правовых отношений, реальным действием и приведением к правовому порядку в социальной среде. В авторской концепции он обозначен как *социализация правовых норм*.

Возникает резонный вопрос: кто же эти анонимные силы, участвующие в конструировании права и в чем проявляется их правотворческое участие? На этот вопрос резонный ответ дал П. Бурдые: «настоящим законодателем является не автор проекта закона, но все те агенты, которые, выражая специфические интересы и обязательства, ассоциируемые с их положением в различных полях (в юридическом поле, но также в религиозном, политическом и так далее), сначала вырабатывают частные и неофициальные устремления и требования, а затем придают им статус «социальных проблем», организуя с целью их «продвижения» формы публичного волеизъявления (статьи, книги, платформы ассоциаций или партий) и давления (манифестации, петиции, требования)»⁷. П. Бурдые определяет причастных к производству права акторов: в его терминах, это «агенты» – персонал различных взаимосвязанных между собой *социальных полей* (политического, юридического, религиозного, экономического и других).

Итак, теоретическая реконструкция правовой политики, на мой взгляд, должна исходить из признания *социальности* конструирования права, как определяющем признаке его формирования, и участия в этом процессе акторов гражданского общества.

Публичное пространство как арена для правового общения в законотворческом процессе

Доктрина законодательной политики демократических государств строится на двух основных конституционных постулатах: единственным источником государственной власти признается народ; народ осуществляет свою власть непосредственно и через представительные и иные органы (статья 3. Конституции Республики Беларусь). «Граждане Республики Беларусь имеют право участвовать в решении государственных дел как непосредственно, так и через свободно избранных представителей» (статья 37. Конституции Республики Беларусь)⁸. В законодательной сфере правовое взаимодействие личности и государства преимущественно осуществляется посредством

⁷ П. Бурдые, *Социальное пространство: поля и практики*, Н. А. Шматко (пер. с франц.; отв. ред. перевода, сост. и послесл.), Москва, Институт экспериментальной социологии, СПб 2005, с. 114.

⁸ Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.),

представительной демократии – выборов электоратом своих представителей в законодательный орган. Этот факт сам по себе не гарантирует высокой степени учета требований и интересов избирателей в принимаемых законодательными органами решениях. В отсутствии культуры демократических процедур соучастия граждан в законодательном процессе, легитимность многих не оправдывающих ожидания избирателей законодательных актов небесспорна. В отличие от представительной, прямая демократия, как способ принятия правовых решений гражданами, – более эффективна, но часто ли прибегает к ней государство и всегда ли она уместна?

Насколько безупречна в современных реалиях *представительная демократия* как форма установления правовых моделей поведения? Существуют ли иные способы достижения гармонии и солидарности в разрешении проблем правовой повседневности? Как модернизировать *теорию закона* или противопоставить ей новую, основанную на иных теоретических доминантах? Этот комплекс вопросов, думается, требует осмысления и обсуждения и не только в академической среде, но и, в терминах Х. Арендт, Ю. Хабермас, *публичном пространстве* с участием акторов гражданского общества.

Указанные проблемы созвучны вопросу, поставленному итальянским исследователем XX века Б. Леони в своей книге «Свобода и закон», об убедительности и допустимости критики доктрины о том, что, «поскольку законы принимает парламент, избираемый народом, то народ является источником законодательного процесса, и воля народа или по крайней мере той его части, которая является электоратом, ... в конце концов восторжествует во всех вопросах, находящихся в ведении правительства»⁹. Выражает ли в реальности парламент «волю народа или по крайней мере той его части, которая является электоратом», какова в процентном отношении доля этой части электората, как быть с волей другой его части, которая не получила большинства на выборах? Справедливо в этом отношении утверждение Б. Леони: «...законодательство все больше и больше напоминает диктат победившего большинства законодательных собраний по отношению к меньшинству; результатом этого часто бывает то, что привычные ожидания людей опрокидываются, а на смену им приходят совершенно новые»¹⁰. Эти

<http://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/> (дата обращения: 20.01.2019).

⁹ Б. Леони, *Свобода и закон*, В. Кошкин (пер. с англ.), А. Куряева (пер. с англ. под ред.), Москва 2008, с. 120–121.

¹⁰ Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.), <http://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/> (дата обращения: 20.01.2019).

вопросы, по сути, есть *вызовы современной законотворческой политике*. Как теоретически реагировать на них?

Контуры/границы законодательной политики, на мой взгляд, должны выйти за пределы государственной деятельности. Теоретическим обоснованием для такого утверждения служат, во-первых, изменение восприятия приоритетности элементов в системе: «личность – общество – государство» при смене идеологической парадигмы в конце XX века (вместо традиционного взгляда с позиции советской идеологии: «государство – общество – личность»). Конституции постсоветских государств закрепили это положение, например, статья 2. Конституции Республики Беларусь провозглашает: «Человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства»¹¹. Во-вторых, обновленный образ современного государства, представленный в юридической литературе, начиная с 90-х годов прошлого столетия, как «средства общественного компромисса, снятия или смягчения противоречий, механизм управления делами общества»¹².

Задача современного демократического государства – установление правового порядка для поддержания в обществе мира, согласия, безопасности. Одной из моделей взаимодействия между личностью и государством может выступать формат правового взаимодействия («*правового общения*») – в терминах В. Г. Графского, Л. С. Мамута¹³), которое, по мнению В. Г. Графского, «... логично воспринимать нацеленным на обретение и поддержание общего блага как одного из воплощений справедливости»¹⁴. В философско-правовом аспекте «общее благо» можно усмотреть в надлежащем уровне правового регулирования, правового порядка, в которых равно заинтересованы и государство, и общество. Социальные институты, являясь площадкой для реализации личностью своих профессиональных, гражданских, всякого рода иных интересов и потребностей, наряду с государственными, выступают акторами правового общения. Выражая интересы и обязательства, соответствующие их положению в различных социальных полях (в юридическом, религиоз-

¹¹ Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.) <http://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/> (дата обращения: 20.01.2019).

¹² См.: Р. З. Лившиц, *Государство и право в современном обществе: необходимость новых подходов*, «Советское государство и право» 1990, № 10, с. 16.

¹³ См.: В. Г. Графский, *Правовое общение в прошлом и настоящем*, «Право и политика» 2011, № 1; Л.С. Мамут, *Правовое общение. Очерк теории*, Москва 2011.

¹⁴ Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.) <http://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/> (дата обращения: 20.01.2019).

ном, политическом, информационном, медийном и др.), они вырабатывают неофициальные требования, переводят их на уровень социальных проблем и организуют формы публичного волеизъявления для продвижения и реализации. Иными словами, речь идет об учреждении в публичном пространстве *диалога равных* акторов: институтов государства и институтов гражданского общества, которые, обмениваясь в целях удовлетворения *общего для всех блага* принадлежащими им социальными ролями, совместно участвуют в формировании правового решения. Каждая из сторон правового общения ответственна за выполнение сообщаемого смоделированного, отвечающего взаимным ожиданиям и интересам решения, в замысле которого проявляется и признается инициатива каждой из них.

Таковы вкратце теоретические предпосылки *модернизации* правовой/законодательной политики, суть которой видится мне в придании *публичности* законотворческому процессу и частичном *«разгосударствлении»* законодательной деятельности: в реальном участии акторов гражданского общества в процессе разработки и обсуждения законопроектов.

Кто может быть признан актором законотворческих полномочий? В каких формах видится публичное волеизъявление их интересов? Прежде всего, стоит обратить внимание на необходимость расширения круга субъектов *законодательной инициативы*. В соответствии со статьей 99 Конституции Республики Беларусь, к ним относятся, помимо Президента, депутатов Палаты представителей, Совета Республики, Правительства, граждане, обладающие избирательным правом, в количестве не менее 50 тысяч человек¹⁵. На мой взгляд, в этот перечень резонно включить общественные объединения в лице их высших органов (это положение было установлено статьей 113 Конституции СССР 1977 года¹⁶). Общественные организации, в соответствии с профилем деятельности, используя опыт и инициативу своих членов, могут выступать инициаторами разработки новых или изменения действующих нормативно-правовых актов.

Признавая справедливость замечания Ж.-Л. Бержеля о том, что нельзя «...отрицать того факта, что именно компетентные органы государства в силу возможностей, которыми их наделяет само позитивное право, осуществляют выбор вариантов, предлагаемых, в свою очередь, тем самым обществом, которым управляют эти органы...»¹⁷, рассмотрим возможные варианты *«разгосударствления»* законопроектной деятельности.

¹⁵ Конституция Республики Беларусь 1994 года, <http://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/> (дата обращения: 20.01.2019).

¹⁶ См.: В. Г. Графский, *Правовое общение в прошлом и настоящем*, «Право и политика» 2011, № 1; Л.С. Мамут, *Правовое общение. Очерк теории*, Москва 2011.

¹⁷ Ж.-Л. Бержель, *Общая теория права*, Москва 2000, с. 240–241.

Один из таких вариантов видится в широко используемом в практике *советского* государства, но требующем модернизации *совместном создании* правовых актов органами государства и общественными организациями по вопросам, представляющим взаимный интерес. В совместной правотворческой деятельности участвовали профсоюзы, комсомольские организации, потребительская кооперация, творческие союзы. При безусловно формальном характере, минимальной самостоятельности общественных организаций в правотворческих инициативах, превалировании роли руководящих органов общественно-политических организаций (ЦК КПСС, ЦК ВЛКСМ), пропагандистском характере многих совместных нормативно-правовых актов, оно имело принципиальный для правовой политики характер: государство оказывало доверие общественным организациям граждан, вовлекая их в законотворческий процесс.

Правовой статус общественных организаций в современных государствах определен конституциями, законами; цели, задачи, предметная область – уставами. Обзор некоторых из них позволяет сделать вывод о широкой сфере деятельности, зачастую совпадающей с государственной, однако выполняемой на добровольных началах, энтузиазме членами организации. Как не привлечь их к сотрудничеству по разработке моделей поведения в близкой для них области, к примеру, в кинематографии, журналистике, культуре, образовании, экологии и т.д.?

Многие современные демократические государства используют более эффективные по технологическому уровню формы участия граждан в законопроектной деятельности. Научно-технический прогресс в XXI веке сделал возможным использование Интернет как экономически эффективное средство не только для распространения информации и сбора идей от общественности, но и для ее активного участия в создании продукта государственной политики. Произошел качественный переход от пассивных форм восприятия общественностью информации к более активным: к культуре сопричастности процессу выработки решений – используемой в странах Европы, США *практике краудсорсинга (Crowdsourcing)*, созданию текстового документа заинтересованными гражданами в сети Интернет¹⁸. Суть краудсорсинга в законопроектной деятельности – в совместном конструировании модели поведения в требующей правовой регламентации ситуации, в разработке текста проекта нормативно-правового акта коллективными усилиями участников сетевого проекта. Практика *краудсорсинга* имеет более завершенную форму

¹⁸ См.: А. А. Соколова, *Демократическая культура в законопроектной деятельности: практика «Crowdsourcing»*, «Юридическая техника: Законотворческая, интерпретационная, правоприменительная техника в контексте культуры и межкультурной коммуникации», Нижний Новгород, Ежегодник 2016, № 10, с. 299–301.

участия акторов в правотворческой деятельности. Она особенно уместна, на мой взгляд, в решении общезначимых вопросов локального уровня в русле развития местного самоуправления и использования творческой активности населения.

Новый смысл законодательной политики усматривается в придании публичному пространству статуса арены для правового общения институтов государства и гражданского общества в законотворческом процессе. В диалоге равных акторов жизненный и профессиональный опыт граждан и институтов гражданского общества с большей очевидностью способствовал бы нормативному выражению и обеспечению разнообразных социальных потребностей, формированию моделей правового общения в максимальной степени отвечающим интересам сторон.

Мультипликация субъектов правотворчества: постановка проблемы

Другое направление модернизации правовой политики видится в *мультипликации субъектов правотворчества*. В учебной литературе под *правотворчеством* (нормотворчеством) понимается особая форма государственной деятельности, состоящая в установлении, изменении и отмене правовых норм. Следует различать два близких понятия «правотворчество» и «законотворчество». Результатом правотворческой деятельности являются нормативно-правовые акты различного вида. Законотворческая деятельность направлена на разработку и принятие законодательных актов. *Субъектами правотворческих полномочий*, например, в Беларуси, являются государственные органы и народ, непосредственно участвующий в референдуме по решению важнейших вопросов государственной и общественной жизни (ст. 73. Конституции Республики Беларусь)¹⁹. Исходя из признаваемой автором концепции социальной природы права, не стоит ли обратить внимание на способы негосударственного формирования моделей поведения? Обратиться к традиционным источникам права, потерявшим, к сожалению, свою жизненную энергию в современной законодательной сфере.

Рассмотрим с позиции социологии права культуру саморегулирования взаимодействий между индивидами в сферах деловых, корпоративных, экологических, культурологических и иных отношений. Вырабатываемые ими нормы, основанные на требованиях разума, принципах морали, нравствен-

¹⁹ <http://jurtech.org/wp-content/uploads/2015/03/%D0%9C%D0%B0%D0%BA%D0%B5%D1%82-10.pdf> (дата обращения: 20.01.2019).

ности, этики, имеют императивную значимость для исполнения в своем кругу. Следуя концептуальному подходу о *правовом плюрализме* (Е. Эрлих, Л. Петражицкий, Ж. Гурвич) и поддерживая идею о множестве негосударственных центров, генерирующих нормы поведения (предприятия, профсоюзы, политические партии, религиозные организации, общественные объединения, международные организации), можно согласиться с мнением ученых, которые в современной жизни допускают существование источников *неформального права* – негосударственного, неофициального. По мнению известного российского ученого А. В. Полякова, помимо права государственного (им установленного), в современном мире функционирует надгосударственное (международное и региональное), негосударственное право (каноническое, транснациональное), являющееся результатом самоорганизации и саморегулирования социальными акторами/социальными институтами (транснациональными компаниями, корпорациями, международными организациями и т.д.)²⁰. Он справедливо замечает, что «...существование права зависит не от государства как внешней принудительной инстанции, а от наличия таких социальных институтов, которые способны поддерживать унифицированные образцы поведения, представляющие собой определенные правила. Таким социальным институтом может являться государство (чаще всего и является), но могут существовать и над- и меж-, и внутригосударственные институты, создаваемые как всем гражданским обществом, так и его отдельными структурами (корпорациями, конфессиональными организациями, политическими, профессиональными, этническими группами)»²¹.

Возникает вопрос, как законодатель должен относиться к производству негосударственного права различными социальными институтами? Как использовать ценностный потенциал саморазвивающейся нормативной культуры современного общества, не «просмотреть» эту самобытную культуру коллективного творчества и «реанимировать» традиционные источники права, такие как обычаи, международные и деловые обыкновения, своды единообразных правил, нормы корпораций, общественных объединений? Думается, что фактическое признание их регулирующего воздействия и самоценности должно превратиться в факт современной реальности, требующий официального признания и отражения в правовой политике.

²⁰ См.: А. А. Соколова, *Законодательный процесс: основные понятия и институты. Учеб.-метод. пособие*, Минск 2003, с. 22.

²¹ Конституция Республики Беларусь 1994 года, <http://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnyye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/> (дата обращения: 20.01.2019).

Искусственный интеллект в юриспруденции как вызов законодательной политике

Один из основных вызовов XXI века – развитие современных технологий. Создание искусственного интеллекта поставило новые проблемы перед человечеством, в том числе перед юридическим миром как весьма значимой частью его бытия. Как следует относиться к новым технологиям и внедрению искусственного интеллекта в юриспруденцию? Приведет ли этот процесс к конкуренции на рынке труда и замене некоторых категорий юридической профессии юристами-роботами, как оценить возможные риски применения искусственного интеллекта в юридической сфере? Проблема активно обсуждается в юридическом сообществе: палитра мнений расходится от консервативного отношения к технологическим новациям до достаточно взвешенного восприятия и предвидения положительных эффектов в использовании искусственного интеллекта в юридической практике. В социальной сети бытует мнение о том, что в настоящее время уже происходит *LegalTech*-революция²². Разумный научный оптимизм позволяет нам воспринимать ее как современное достижение в юриспруденции, задающее новый вектор ее модернизации и придающее новый смысл правовой/законотворческой политике.

В законопроектной деятельности искусственный интеллект можно использовать как инструмент юридической техники, обеспечивающий автоматизацию и компьютеризацию действий по обработке социологических и статистических данных, проведению количественного анализа, математических способов прогнозирования последствий правовых актов. А в *содержательном* процессе разработки законопроектов? Думается, что если соотносить процесс создания искусственного интеллекта и процесс формирования права, то, по сути, создание права – это информационная технология, алгоритм особых операций, которые может обеспечить искусственный интеллект. И простые, с позиции юридической техники, не требующие сложной правовой аргументации и обоснования проекты норм права, могут, на мой взгляд, готовить компьютеры и тем самым освободить специалистов от технического труда. Более категоричен в своей позиции профессор И. Н. Глебов, который настроен оптимистично к признанию позиции робота-законодателя, способного «без участия человеческих порочных факторов создавать безупречные законы и исправлять ошибочные»²³.

²² Там же, с. 25.

²³ Конституция (Основной Закон) СССР. Принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г., <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1977.htm> (дата обращения: 20.01.2019).

Другая сторона создания права, не подвластная искусственному интеллекту в ближайшем будущем, но допускающая его активное «соучастие» с интеллектом естественным, – исследовательская, аналитическая, творческая, требующая социолого-правового сопровождения, интеллектуальных междисциплинарных усилий профессионалов, их высокого мастерства и профессионализма. В этой части законотворчества, на мой взгляд, естественный интеллект «непобедим»!

Следует признать прогностический, вероятностный характер рассуждений этого фрагмента, однако, в определении стратегических направлений в правовой/законодательной политике, ее модернизации учет новаций *LegalTech*-революции объективно необходим.

Выводы

Социальный мир в XXI веке кардинально изменился: вызовы глобального мира поставили новые проблемы перед человечеством, многие из которых могут быть преодолены правовым инструментарием. В данном исследовании сделана попытка представить путь модернизации правовой/законодательной политики в новых смысловых значениях и сделать акценты на проблемных вопросах, требующих глубокого изучения и осмысления.

Резюмирующий вывод заключается в идее частичного «разгосударствления» законопроектной деятельности, включения в процесс разработки и обсуждения проектов правовых актов социальных институтов. Социальное партнерство государства и общества в этом процессе необходимо. Безусловно, это долгий путь трансформации идеологии отношения к роли государства – от *доминирующей и самодостаточной* до *организующей и содействующей* развитию гражданского общества.

Включение в правовую политику задачи «разгосударствления» законопроектной деятельности, мультипликации субъектов правотворчества направлено не на замену государственного права негосударственным, а на взаимопроникновение правового и неправового механизмов правового регулирования, правовое взаимодействие всех «творческих» сил общества в *сфере публичного пространства*. Чем демократичнее государство, чем более развито гражданское общество, тем ответственнее все его социальные институты за направленность правовой политики, уровень правовой системы и правопорядка.

Сопричастность акторов гражданского общества процессу формирования права – объективное требование качества законодательной деятельности, индикатор/показатель культуры законотворчества. Попытка реконструиро-

вать правовую политику, включив в нее реальные элементы демократической культуры оправданны. Основной вопрос заключается в следующем: готовы ли граждане участвовать в таких проектах, и главное: готово ли государство «поделиться» приоритетной ролью законотворца и доверить законодательную политику своим гражданам.

РЕЗЮМЕ

Предлагаемая статья посвящена анализу общетеоретических проблем правовой (законодательной) политики, которая становится определяющей категорией юридической науки XXI века. Обращение к этой теме вызвано затянувшимся в постсоветских государствах процессом трансформации и недостаточной эффективностью экономических и социальных преобразований. По-прежнему актуальными остаются проблемы научной и социальной обеспеченности, демократизации законодательного процесса, эффективности его результатов. В чем истоки столь инертного процесса модернизации законотворчества? Попытка осмыслить эту ситуацию и раскрыть новые смыслы законодательной политики в XXI веке предлагается в данной статье.

Alla Sokolova

NEW MEANINGS OF LEGAL POLICY: CONTEMPORARY CHALLENGES AND PROSPECTS

The suggested article is dedicated to the analysis of general theoretical problems of legal (legislative) policy, which becomes a defining category of the legal science of the 21st century. Appeal to this topic is caused by protracted transformation in post-Soviet states and insufficient effectiveness of economic and social changes. The issues of scientific and social security, democratization of the legislative process and effectiveness of its results remain important. What are the origins of such an inert process of modernization of lawmaking? An attempt to comprehend this situation and find new meaning in legislative policy in the 21st century is made in this article.

KEY WORDS: *legal/lawmaking policy, social nature of lawmaking, public sphere, multiplications of lawmaking subjects, artificial intelligence*

Библиография

- J.-L. Bergel, *General Theory of Law*, Moscow 2000.
- P. Bourdieu, *Social Space: Fields and Practices*, St. Petersburg 2005.
- I. N. Glebov, *Artificial Legal Intelligence*, Network Scientific Law Journal «Humanitarian Law» 2018, <https://humanlaw.ru/9-article/26-artificial-intelligence.html> (дата обращения: 20.01.2019).
- V. G. Grafskiy, *Legal Communication in the Past and the Present*, «Law and Politics» 2011, No. 1.
- I. A. Kulazhnikov, *Social legal policy of the Russian state*. Author. dis. cand. legal sciences, Rostov-on-Don, 2005.
- B. Leoni, *Freedom and the Law*, Moscow 2008.
- R. Z. Livshits, *State and Law in Modern Society: the Need for New Approaches*, «The Soviet State and Law» 1990, No. 10.
- A. V. Malko, *Theory of Legal Policy: Monograph*, Moscow 2012.
- A. V. Malko, *Legal Policy of Modern Society: From Theory to Practice*, «Newsletter of the Mariupol State University. Serya: Law» 2012, Issue. 3-4.
- L. S. Mamut, *Legal Intercourse. Essay of Theory*, Moscow 2011.
- N. I. Matuzov, A. V. Malko (eds.), *Legal policy: Theory and Practice: Monograph*, Moscow 2006.
- A. V. Polyakov, *The Rule of Law, Globalization and Problems of Modernization of Philosophy and Theory of Law*, «Jurisprudence» 2013, No. 4 (309).
- A. A. Sokolova, *Legislative process: basic concepts and institutions: Manual*, Minsk 2003.
- A. A. Sokolova, *Social Aspects of the Lawmaking*, Minsk 2003.
- A. A. Sokolova, *Legal policy in the public dimension: directions of development* [in:] V. V. Smirnov (ed.), *Collection of materials of the All-Russian conference "Legal Policy in the Conditions of Modernization"* November 19, 2010, Moscow 2011.
- A. A. Sokolova, *Democratic Culture in Legislative Activity: the Practice of Crowdsourcing*, [in:] *Legal Technique: Legislative, Interpretative, Law Enforcement Technique in the Context of Culture and Intercultural Communication*, Nizhny Novgorod, Yearbook, 2016, No. 10.
- A. A. Sokolova, *Personality, Society, State: Problems of Legal communication*, [in:] V. S. Nersesyants, V. G. Grafskiy (eds.), *The modern state and personality in historical and philosophical and legal understanding: a collection of materials of the twelfth philosophical and legal readings in memory of academician Moscow*, Norma, 2018.
- I. Tsvetkova, *Artificial Intelligence in Court, Lawyers bots and Crowdfunding of Legal Disputes – how the LegalTech-revolution begins*. 2017, <https://rb.ru/opinion/legaltech/> (дата обращения: 20.01.2019).